И.П. ПОПОВА, ст. науч. сотрудник
Институт социологии РАН

Невостребованная «востребованная профессия» в карьерах выпускников-юристов[1]

Развитие системы юридического образования в нашей стране в значительной мере подчиняется требованиям рынка. Неконтролируемый рост предложения привел в том числе к ухудшению его качества, недоиспользованию потенциала профессионального образования. В исследовании этой проблемы важным представляется внимание к складыванию карьер тех выпускников с высшим юридическим образованием, кто не стал работать по специальности, а также к возможностям этого типа высшего образования быть основой профессиональных карьер в других отраслях деятельности. На данных полуструктурированных интервью с выпускниками юридических вузов, которые не работают по избранной профессии, анализируются обстоятельства выбора вуза и причины оставления после обучения выбранной профессии. Особый интерес представляют ресурсы полученного образования, используемые в профессиональных карьерах в новых сферах деятельности. Делается вывод об определенной универсальности этого образования в современных условиях с точки зрения влияния на практику профессиональной деятельности в различных сферах.

Ключевые слова: *высшее образование, юридическое образование, юристы, профессиональная карьера, профессионализация, профессиональный контроль*

Получение профессионального образования в современном российском обществе имеет целью не только начало карьеры по избранной профессии и выработку стратегии по ее развитию. Все чаще это начало «карьеры вообще» через получение достаточно прочной базы для социального статуса: чтобы продвигаться в жизни, необходимо иметь высшее образование. При этом контроль той или иной профессиональной группы над регулированием качества и количества своих рядов занимает вторичные позиции по отношению к рыночным «сигналам», которые на практике ориентируют лишь на наличие диплома и стимулируют рост разнообразных источников его получения вне зависимости от статуса этих дипломов. Пример профессиональной группы юристов представляет собой образец размывания этого контроля в условиях «стихийного рынка», который ведет к снижению качества специалистов, скрытой *депрофессионализации* в этой сфере.

Динамика процессов в высшем юридическом образовании находится в целом в русле тенденций роста востребованности образования «для успеха в обществе». Статистическая картина этих тенденций в целом прослеживается достаточно наглядно. Если в 1980 г. численность вузов в СССР составляла 494, а в 1990 г. – 514, то в 2000 г. она увеличилась в России до 965, а в 2011 г. – до 1080, причем этот рост происходил главным образом за счет негосударственных вузов (в 2000 г. их было 358, а в 2011 – 446; в советское время таковых не было) [1, с. 217]. Соответственно, росло и число получавших высшее образование: в 1989 г. на 1000 человек соответствующего возраста приходилось 113 принятых в высшие учебные заведения профессионального образования, а в 2011 г. – 228 [1, с. 218] (и это

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Структурные особенности и мотивационные основания социальной мобильности молодых юристов – выпускников российских вузов», поддержанного РГНФ, грант № 13-03-00049, рук. М.Ф. Черныш.

– несмотря на «демографическую яму» 1990-х гг. и ее последствия для численности когорт молодежи). Высшее юридическое образование вписывалось в эту тенденцию, но не просто повторяло, а усугубляло ее масштабы. По данным официальных источников, если в Советском Союзе юридические кадры готовили 52 вуза, то в 2009 г. в России услуги в сфере юридического образования предоставляли 1211 организаций, большинство из которых непрофильные [2, с. 6]. При этом негосударственные вузы составляли значительную часть. По данным середины 2000-х гг., на территории России функционировало около 250 государственных вузов и 230 их филиалов, порядка 200 негосударственных вузов и 370 их филиалов, готовящих специалистов области юриспруденции [3, с. 14].

Объяснение этого бума ищут прежде всего в стихийном росте рынка и отсутствии профессиональных регуляторов. Действительно, в 1990-е гг. профессия юриста стала одной из самых востребованных. В эти годы, по данным социологических исследований, в рейтинге престижности юридическая профессия заняла первое место, а в оценке выгодности – третье после коммерции и менеджмента [4, с. 19]. Спрос на юристов был особенно интенсивным в бизнесе – как государственном, так и частном, а потенциал имевшейся вузовской сети был недостаточным для его удовлетворения: по количеству студентов-юристов СССР и Россия отставали от развитых стран мира и по абсолютным, и по относительным показателям (в советское время доля подготовки юристов составляла 1,5%) [4, с. 19–20]. Спрос подхлестнул предложение, и стали открываться негосударственные вузы с сомнительными условиями приема и некачественной подготовкой.

Отметим, что в 2012 г. спрос на специалистов высшего уровня квалификации, по данным Госкомстата, в целом вырос значительно выше по сравнению с другими группами. Специалисты высокого уровня квалификации – это наиболее многочисленная группа занятий (6,1 млн. человек), и за период с 31.10.2010 г. по 31.10.2012 г. потребность организаций в специалистах высшей квалификации росла более всего (на 53,9 тыс., или в 1,4 раза), составив около 197 тыс. человек. Между тем в число наиболее востребованных профессий юристы уже не входили. Списочная численность юристов и других специалистов в области права на 31.10.2012 г. составляла 96,7 тыс. человек, потребность – 2,7 тыс. человек, а удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест по соответствующей профессиональной группе – 2,7% [5]. Достаточно умеренный спрос на юристов может свидетельствовать об актуализации проблемы трудоустройства по специальности выпускников с юридическим образованием.

Однако все это не говорит о падении ее востребованности в обществе. Данные исследований середины 2000-х гг. свидетельствуют о сравнительной устойчивости профессии – ее покидают не столь интенсивно, как в иных группах среди специалистов с высшим образованием: если верность специальности, полученной в вузе, сохраняли более трети специалистов в целом, то среди выпускников-юристов – 62%; риск нисходящей мобильности для юристов минимален [6, с. 41–42].

Ситуация с воспроизводством юристов в российском обществе тесно связана с контекстом качества институтов в обществе. В недавнем исследовании экономистов она формулируется как проблема формирования «неблагополучного спроса» на профессии. Его результатом является диспропорция: спрос, в частности на юридические специальности, превышает спрос на специальности в сферах производства, технологий и естественных наук, способствуя оттоку из последних талантливой молодежи и отрицательно влияя на экономический рост [7]. Это одна сторона сложившейся ситуации.

Другая сторона связана с изменением характера и функций высшего образования как канала мобильности: рост его массового характера, все менее ограниченный барьерами и фильтрами, приводит к инфляции образования и консервации социальных неравенств [8, с. 157–160]. Российские исследователи отмечают тенденции расхождения установок в отношении профессии и образования: главным становится получение не определенной профессии, а высшего образования как такового [9] (эту тенденцию подтверждают и наши исследования [10]). Во многом это оправдано тем, что работодатели часто нацелены на получение специалиста с высшим образованием «вообще» как залога определенного уровня социализации, а не уровня профессиональных компетенций, зачастую в полной мере не востребуемых [11]. Подготовка в рамках высшего образования, согласно данным некоторых исследований, дает универсальные компетенции, которые позволяют довольно успешно менять профессиональные траектории [12, с. 288]. Вместе с тем, становясь доступным и массовым, высшее образование теряет свою дифференцирующую функцию и не обеспечивает гарантий и преимуществ в трудоустройстве его обладателям [13]. Выпускники-юристы находятся под воздействием тех же тенденций: не будем забывать об относительности упомянутой выше устойчивости этой профессиональной группы, ведь значительная часть все же вынуждена менять полученную профессию.

Эта ситуация остро ставит проблему профессионализации как повышения статуса профессии. Если рассуждать в терминах социологии профессий, то речь идет об усилении контроля со стороны профессионального сообщества над входом в профессиональную группу и продвижением в профессии в противовес давлению как государства, так и рынка. Меры этого контроля направлены на регулирование производства «юристов-недоучек». Среди них: различного рода ограничения для вузов разных типов на рынке образовательных услуг (см.: [2, с. 6; 14], введение фильтров для получения высшего юридического образования по заочным и вечерним формам обучения, а также сохранение государственного контроля за подготовкой и выпуском юристов (по сути – отстранение конкурентов), диверсификация юридического образования [15]. Решения о регулировании в этой сфере принимаются законодательно на уровне государства [2]. В последние годы обсуждаются меры влияния профессионального сообщества на состояние в этой сфере через утверждение структур общественной сертификации юридического образования [16], коррективы в реформировании его системы, касающиеся в том числе условий сокращения вузов, тестирования выпускников и т.д. [17].

***

Анализируя проблему качества вхождения в профессию, мы более подробно остановимся на рассмотрении случаев «неудач», вызванных не столько слабым качеством обучения, сколько особенностями мотивации и условий ее формирования. Они получены на первом этапе нашего исследования, где проводились полуструктурированные интервью с выпускниками юридических вузов разных лет из 7 городов (N=31); 11 из них не работают по полученной специальности (см. *Приложение*). На трудовых историях этих респондентов мы сосредоточим особое внимание. Рассмотрение обстоятельств выбора профессии (типа обучения и вуза): мотивации принятия ре-

[2] Так, был принят Указ президента РФ «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» от 6 мая 2009 № 599, предусматривающий создание системы общественной аккредитации государственных и негосударственных вузов, осуществляющих подготовку юристов, разработку системы квалификационных экзаменов с выдачей сертификата о сдаче экзамена.

шения, практики поступления, а также оставления выбранной профессиональной карьеры и оценки полученного юридического образования в своей новой профессиональной деятельности при трансформации их профессиональных карьер – даст материал для выявления и оценки факторов отбора и развития будущих профессионалов.

Преобладающая модель трансформации профессиональных карьер – неподготовленность выбора и переориентация на другую специальность в результате столкновения с практикой на первом рабочем месте по специальности. Выбор юридической профессии формируется под влиянием в основном внешних социальных факторов: требования наличия высшего образования для успеха в жизни, престижности юридической профессии и достаточно широкого предложения разных его форм со стороны вузов (государственных и негосударственных, очных, заочных, с различным уровнем оплаты обучения). Профессия при этом не является основным мотивирующим фактором, получаемое высшее образование рассматривается как необходимая стартовая база для дальнейшего построения карьеры. Этому способствует и тот факт, что родители и родственники респондентов анализируемой группы не работают в правовой сфере и могут ориентироваться в основном лишь на ее признание в обществе.

Стремление получить высшее образование реализуется нашими респондентами в сфере, которая кажется им по силам, – гуманитарной. Почти все они говорят о том, что искали профессию прежде всего в этом широком и неопределенном ареале специальностей, идя «от обратного» – от признаваемой ими неспособности к занятию «точными» науками (математикой, химией, физикой и т.д.). Таким образом, рефлексируемые основания выбора – относительная легкость поступления и престижность «гуманитарной» профессии. *«Когда наступил момент определяться с будущей профессией… тут уже вопрос встал ребром, что к точным наукам мы не способны, не имеем желания, соответственно, никакие технические специальности нам, во-первых, неинтересны и, собственно, недоступны, а с языками тоже как-то не сложилось. Поэтому оставались гуманитарные предметы вроде опять-таки истории или обществознания»* (жен., Хабаровск, № 31). В одном из случаев юридическое образование стало заменой исторического после первой неудачной попытки поступления в вуз: *«… А высшее образование все-таки получать нужно какое-то… Соответственно, на тот момент я туда [в юридический вуз] и пошла. Не хочу сказать, что горела сильным желанием быть юристом…»* (жен., Новосибирск, № 20).

Выбор юридического образования зачастую становится семейным проектом социального продвижения. Об этом особенно наглядно свидетельствует история поступления девушки, родители которой не только не были связаны с юриспруденцией, но и не имели высшего образования. *«…Я вообще не знала, что, куда идти. Потому что с высшим образованием в нашей семье никого не было … Мечта была, что как-то что-то изменить в своей жизни… До этого я вообще хотела каким-нибудь продавцом быть, что-то такое, простое себе выбрать. Но мама сказала, что "ты у меня одна дочка, я хочу, чтобы ты жила лучше, чем я, давай что-то выбирать" … И у мамы моей… знакомая… ей посоветовала вот такой институт, на юриста … "хорошая профессия, и будешь уже устроена в жизни. …Юристы хорошо зарабатывают" … И сказала, что вроде бы там как бы поменьше конкурс, чем во всех других институтах… На тот момент мне вообще все равно было… У меня не было выбора…»* (жен., Екатеринбург, № 12). Это вполне рациональная стратегия не на профессиональную карьеру, а на получение высшего образования, необходимого для достижения

определенного положения в обществе и дохода. Идея получить высшее образование вообще конкретизировалась в распространенном представлении о его востребованности и ценности в обществе. *«…В это время вообще все хотели учиться на юристов. Это очень было популярно … Если спросишь у кого-то: "Ты где учишься?", и они говорят: "В юридическом"… все сразу как-то так с уважением относились… само название было престижным. Я представила: сейчас вот одноклассники спросят у меня: "Ты куда поступила?" – я скажу: "На юриста!" И это тоже повлияло на мой выбор»*. В результате такого способа повышения социального положения профессиональный статус оказывается вторичным, что связано не только с невысоким качеством полученного образования (в «непрестижном» вузе), но и со слабой профессиональной идентичностью в целом. *«Конечно, сейчас мама моя довольна, она говорит родственникам о том, что дочка юрист… Но для меня такое ощущение, что это какая-то подделка… В общем, не скажу, что совсем я довольна. У меня есть высшее образование, и этим я довольна»*. В результате полученный собственно профессиональный статус не реализуется в занятости не из-за внешних трудностей рынка труда, а из-за личных переживаний, связанных с ощущением его незаработанности, «фальшивости»: *«Я бы не набралась смелости пойти и работать юристом… искать работу я бы не стала»*. Поэтому профессиональная карьера выстраивается с опорой только на высшее образование, без учета его профессионального содержания, к примеру в сфере продаж, где этот уровень квалификации, в общем-то, не требуется: *«Я же могу, в принципе, со своим образованием, с высшим, хорошо зарабатывать и без этого юридического образования, во-первых. Во-вторых, у меня есть возможность карьерного роста… я… перешла в оптовый отдел по продаже сантехники. И у меня есть возможность быть руководителем отдела»*.

Можно говорить о своеобразной *социальной экспансии* высшего юридического образования. Имеется в виду культивирование через средства массовой коммуникации (телевидение, кино, новости, соответствующую литературу) популярности связанных с юридической сферой специальностей, прежде всего – следователей милиции. Это один из часто упоминаемых мотивов выбора специальности. Иногда решение о выборе профессии описывается как поначалу неосознаваемое, формируемое общественной атмосферой: *«Я решила для себя, что пойду юристом. Может быть, **модно** было, ото всех слышала. Все более-менее сознательные люди с достаточно приемлемым уровнем развития хотели на юридический… То есть я придумала сама, потом оттуда плюс услышала, отсюда плюс, и поняла, что да, это точно то»* (жен., Новосибирск, № 18).

В интервью описан достаточно широкий спектр ***практик поступления***. Выбор вуза мог быть ориентированным как на бюджетную форму оплаты (через посещение подготовительных курсов), так и на платное обучение в наиболее достойном негосударственном вузе, и в этом случае основанием был уровень преподавателей (чаще совместителей из «классического» вуза) и возможность получения диплома государственного образца. Но практиковался также наиболее легкий путь формального получения диплома – выбор вуза с невысокой в глазах работодателя репутацией, но в который можно было сравнительно легко поступить (*«конкурс был небольшой….»*), в том числе благодаря неформальной поддержке (*«…были знакомые, которые помогли туда устроиться»* (муж, Ставрополь, № 16). Учитывалась и слабая конкуренция при поступлении: *«…Было очень много слабого народа, кто шел с не очень хорошими оценками, кто уже куда-то не поступил или кто просто долго не задумывался*

об этом» (жен., Новосибирск, № 20). В одном из исследуемых случаев обе стратегии соединились – сначала был выбран негосударственный вуз, но через два года обучение было продолжено и завершено уже на юридическом факультете государственного вуза (жен., Москва, № 25).

Обстоятельства и причины ухода из профессии. Практическая направленность юридического образования – наиболее часто обсуждаемое и декларируемое направление улучшения его эффективности. Как подтверждение: причины ухода из профессии респонденты чаще всего связывают с негативным опытом столкновения с практикой профессиональной деятельности в вузе или сразу после него. Этот опыт довольно быстро выявлял отсутствие интереса к профессии: «*Я, наверное, не смогу сейчас сказать, что мною двигало [в выборе профессии], но совершенно точно скажу, что после первого курса, после первых практик я, мягко говоря, охладел к этому»* (муж., Ставрополь, № 17). Психологической неготовностью к работе объяснялось нежелание справляться с трудностями профессии. *«Ответственность за людей, которые обращаются к тебе за помощью, очень давит, особенно первое время. Ты понимаешь, что от тебя очень многого ждут, от тебя многое зависит. Ты должен помочь человеку, и ты в какой-то момент осознаёшь, что ты не всегда можешь эту помощь оказать… Я не хотела разочаровывать людей, поэтому, может быть, и ушла»* (жен., Хабаровск, № 31).

Некоторые подробно останавливаются на негативных обстоятельствах столкновения с профессиональной практикой, отторгающих от дальнейшего ее продолжения. *«Очень не понравилось мне, как все там устроено… Страшно там. Для молодых там очень страшно. Зачем про нашу милицию говорить? Все строго негативно, вообще не захотелось туда больше возвращаться. – С чем это связано? – Самое минимальное – это много бумаг. Постоянно заполняешь. На одно действие пять тысяч бумаг…. И наш закон, наше исполнение закона… мне не понравилось, как это делается и какими способами»* (жен., Новосибирск, № 18). При этом часто подчеркивается, что именно отсутствие стремления работать по профессии подтолкнуло не мириться с негативным опытом работы. *«Я поняла, что это не мое, не хочу этим заниматься… Если бы у меня было абсолютно точное желание работать следователем, то тогда, возможно, я бы это все терпела… А поскольку мне было абсолютно все равно, я просто собралась и ушла»* (жен., Новосибирск, № 20).

Факторы рынка труда – трудности при трудоустройстве по специальности, низкие зарплаты – также часто представляются вторичными по сравнению со слабой ориентированностью на преодоление этих трудностей в профессиональном развитии. «*… На тот момент у меня не было возможности работать адвокатом, потому что даже помощником адвоката устроиться мне было проблематично. Во-первых, незаконченное высшее образование, во-вторых, они платили копейки… Это, безусловно, очень хороший опыт был бы, но именно непосредственная вот эта оплата. А на тот момент я платила за дальнейшее обучение. То есть этими копейками я себе фактически ничего бы не оплатила»* (жен. Волгоград, № 7).

К этим же факторам следует отнести барьер на рынке труда, связанный с низким уровнем престижа вуза в глазах работодателей. Респонденты попадают в ловушку конфликта между практиками рыночных методов легкого «предложения» юридического образования и низкого спроса на него у работодателей, понимающих эти механизмы и бракующих их. Это случаи, когда полученное в определенном (коммерческом) вузе образование *«очень слабо котируется. И я думаю, есть за что слабо котироваться»* (муж., Ставрополь, № 16).

Репутация вуза формируется практиками коррупции не только при приеме, но и при сдаче экзаменов, получении дипломов, а это влияет на судьбу выпускника, на его оценку работодателем, информированным об этих практиках. *«Есть вузы, которые при приеме на работу более котируются... А есть вузы, где все покупается, и все об этом знают. Все экзамены, все зачеты... У меня есть одногруппники... то, что они не могли сдать на четыре, они покупали четверку. И этот диплом, эти оценки не показательны, все об этом знают»* (муж., Ставрополь, № 16). Это фильтр, который с самого начала действует отрицательно на перспективы выпускников. Вот как рассказывает выпускница о трудоустройстве в управление юстиции в городе: *«Я... пришла в кадровый резерв, написала эти анкеточки и прочее, но достался мне специалист... он мой диплом брезгливо отксерил, – скажем так, красный. И сказал: "Ой, знаю я вас, специалистов, из таких институтов, вас таких просто девать некуда, можно сказать. В общем, ни о чем не говорит ваше образование, несмотря на то, что у вас там красный диплом"»* (Волгоград, жен., № 7).

При невозможности продолжать профессиональную траекторию в сфере юриспруденции наши респонденты используют полученное ***юридическое образование как базу для деятельности в иных сферах деятельности.***

Прежде всего это *финансово-экономические специальности* (банковская сфера, страховой бизнес), где ценность юридических знаний очевидна. Используются они и в сфере *работы с кадрами: «Трудовое право мне пригодилось, какое-то кадровое делопроизводство»* (жен, Новосибирск, № 20); «*Каким образом применялось вот это в моей кадровой карьере – не стоит говорить, что это совершенно разные области, потому что на самом деле трудовое законодательство очень сильно помогло мне... У меня есть привычка смотреть правильность заключения договоров...»* (жен., Волгоград, № 7).

Маркетинг (продажи) и обслуживание – наиболее распространенный сегодня сектор приложения усилий молодых людей, и юридическое образование здесь также приносит практическую пользу. Но если бы в обществе были другие запросы и нормативные представления о хорошем социальном статусе и профессиональной карьере, то выбор респондентов этой группы был бы другим: «*Если б мне было 17 лет, я бы, наверно, другую уже выбрала профессию. Ближе, возможно, к управленческой деятельности, к продажам, технологии продаж, у нас вся жизнь – технологии продаж»* (жен., Екатеринбург. № 5).

При развитии собственного дела юридическое образование оценивается скорее с точки зрения прикладных навыков: *«Я знаю законы, как где найти. Мне, скорее, помогли мои организаторские способности и знание торговли, практика. Юридическое образование как таковое мне не помогло» (муж. Ставрополь, №16)*. Занятие творческой деятельностью в сфере дизайна также опирается на навыки, а не на полученное образование: *«Для моей работы оно не нужно, по сути. Но я чувствую себя грамотным человеком...»* (жен., Новосибирск, № 20).

Таким образом, в целом полученное образование, его пользу респонденты оценивают весьма высоко, рассматривая его как хорошую основу для новой профессиональной траектории. Практически ни один из них не пожалел об избрании вуза, где получал первое образование, – он дал базу для того, чтобы лучше справляться не только с профессиональными, но и с жизненными ситуациям.

Прежде всего, здесь нельзя не видеть отделения ценности полученного образования от ценности профессии: *«Образование хорошее, все мне нужно, все для жизни у меня остается. И я считаю, что минимальное юридическое образование дол-*

жен получить любой гражданин нашей страны, потому что это необходимо. А непосредственно по профессии, по юристам … мне совсем не понравилось» (жен., Новосибирск, № 18). Разделение значимости профессии и значимости образования обусловлено нежеланием быть профессионалом в этой области. *«… Мне не хотелось расти в данной области. Оно у меня получилось образование для общего развития»* (жен., Новосибирск, № 20).

Высшее юридическое образование оценивается, с одной стороны, как основа социального статуса, как «хорошее образование» для жизни в обществе. *«Не жалею о том, что я поступила именно в этот вуз, именно на эту специальность, всё-таки она мне немало дала. … И образование хорошее, и в жизни оно мне помогло, и в чём-то даже сейчас помогает* (жен., Хабаровск, № 31). С другой стороны, высоко оцениваются практические навыки, оказавшиеся востребованными и в другой сфере деятельности (даже если качество вуза оставляет желать лучшего): «*… Навык, в принципе, есть, какой-то отпечаток высшего образования все равно на меня это [обучение] наложило, и понимание, где искать информацию…»* (жен., Екатеринбург, № 5). Эти навыки столь же высоко оцениваются и как необходимые в частной жизни: *«… Полезно в жизни знать законы. Они довольно часто применяются, лишний раз бегать искать какого-то специалиста, чтобы ему задать вопрос, даже просто какой-то жизненный…»* (жен., Волгоград, № 7). *«Я очень доволен, что я прошел обучение. У меня такая точка зрения, что самые базовые, самые начальные знания должен вообще знать каждый гражданин любого государства»* (муж., Ставрополь, № 17).

Наконец, полученное образование оценивается интегрально – и как диплом, и как навыки юриста: *«Образование есть образование. У меня появился образ мышления, как мыслят юристы. Мне это всегда помогало, как галочка: вот есть у меня высшее образование. И я смог перейти из торговых в менеджеры. У нас был торговый [представитель] – когда его принимали на работу, даже подумать не могли, что нет высшего образования. Когда он уже устроился, ему говорят: давай диплом. А он говорит: а у меня нет диплома… И от него очень быстро избавились. Причем парень был толковый, он хорошо работал, но наше руководство не могло себе позволить того, что у них работает торговый без высшего образования, просто требования такие»* (муж., Ставрополь, № 16).

Однако невостребованность образования, полученного только ради диплома, несмотря на его высокую оценку для жизни и карьеры в целом, все-таки остается фактором неустойчивой позиции не только в профессиональном самоопределении, но и в социальном положении. Ощущение нереализованного статуса в обществе можно видеть и в описанных выше историях социального продвижения через получение юридического образования. *«Что меня смущает? Я вот думаю – например, через 20 лет кем я буду? Менеджером по продажам? Как-то это будет в моем возрасте на тот момент не очень хорошо звучать. Руководитель? Тоже, наверно. А вот "юрист" бы хорошо звучало»* (жен., Волгоград, № 7). Понимание, что получение качественного юридического образования в другом, престижном вузе могло бы стать основой более успешной занятости и прочного социального положения, приходит даже при условии благополучной карьеры: *«Однозначно я пошел бы на юридический факультет, попытался бы идти в другой вуз… Не был бы так легкомыслен»* (муж., Ставрополь, № 16).

Заключение. Рассмотрение трудовых историй выпускников юридических факультетов, не работающих по полученной специальности, их мотивации, способов получения юридического образования и

обстоятельств ухода из профессии позволяет сделать достаточно противоречивые заключения о его роли в профессиональной мобильности и формируемых карьерах.

Как мы видели, получение образования юридического профиля служит преимущественно для формирования благополучного социального статуса, включающего как основу диплом о высшем образовании. Для решения этой задачи выбор данного вида образования представляется наиболее легким и относительно незатратным. Он обусловлен гуманитарным характером обучения (из-за склонности респондентов главным образом к гуманитарным наукам), а также относительной легкостью получения: большим количеством вузов, предоставляющих разные формы обучения (в нашей выборке большинство респондентов платили за образование), невысокой конкуренцией в выбираемых вузах, в некоторых случаях – помощью знакомых. Другой важный фактор выбора – престижность юридического образования, формируемая через средства массовой информации, фильмы, литературу, рекламу, советы и опыт знакомых и т.п. Таким образом, в стратегиях поступления в соответствующие вузы получение образования довольно очевидно отделяется от получения профессии.

Слабая мотивированность в профессиональной области приводит к уходу из профессии под влиянием негативного опыта или трудностей на рынке труда. Это, на первый взгляд, обостряет проблему несостыковки в жизни и профессиональных карьерах получаемого образования и работы, что часто представляется как расходование человеческого и затрачиваемого на получение образования реального финансового капитала впустую, как прямой экономический ущерб государству и обществу в их ожиданиях отдачи от деятельности этих специалистов. Производным от этой проблемы является существование модных и престижных профессий, которые кажутся прибыльными, но не могут дать всем соответствующую дорогу в жизнь и профессию. Но большая ли это трагедия в случае юридического образования?

Анализ историй показывает, что респонденты не только находят себя в других сферах деятельности, но и достаточно высоко оценивают полученное образование в плане становления профессиональных карьер вне полученной специальности. Респонденты дают высокие оценки и качеству полученного образования, и тем навыкам, которые сегодня высоко востребованы в обществе и связаны с профессиональной деятельностью любого рода, а также с многочисленными жизненными ситуациями, в которых так важна юридическая грамотность для отстаивания своих прав.

Таким образом, ***высшее юридическое образование можно назвать универсальной основой трансформации профессиональных карьер в новой сфере деятельности.*** В этом плане оно остается уникальным востребованным типом образования в современном российском обществе и вполне справляется с ролью базы для социального продвижения и социальной мобильности в рыночных условиях.

Насколько приемлема и социально нормальна такая ситуация – это вопрос оценки общества, и прежде всего – профессионального сообщества юристов. В любом случае, очевидно, что регулирующие функции в этой сфере – в первую очередь, контроль качества приема с более фундаментальным учетом мотивации поступающих, а также формирование практического характера обучения, что также является серьезным отсеивающим фильтром, – должны стать предметом профессионального внимания.

Приложение

Список интервью: № 5 – женщина, Екатеринбург; № 6 – женщина, Екатеринбург, платное образование, 2003 год выпуска; № 7 – женщина, Волгоград, платное обра-

зование, 2002 год выпуска; № 12 – женщина, Саратов, платное образование, 2007 год выпуска; № 14 – мужчина, Ставрополь, платное образование, 2008 год выпуска; № 16 – мужчина, Ставрополь, платное образование, 2007 год выпуска; № 17 – мужчина, Ставрополь, платное образование, 2010 год выпуска; № 18 – женщина, Новосибирск, платное образование, 2009 год выпуска; № 20 – женщина, Новосибирск, платное образование, 2007 год выпуска; № 25 – женщина, Москва, платное образование, 2008 год выпуска; № 31 – женщина, Хабаровск, образование на бюджетной основе .

Литература

1. Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2012.
2. *Кочкаров Р.М.* Юридическое образование в контексте реформ // Alma mater. Вестник высшей школы. 2013. № 10.
3. *Чашин А.Н.* Профессиональная карьера юриста. М.: Дело и Сервис, 2009.
4. *Топорнин Б.Н.* Высшее юридическое образование в России: проблемы развития. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996.
5. О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2012 г. (по результатам выборочного обследования организаций). URL: http://www.gks.ru/free_doc/2013/potrorg/potr12.htm
6. *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Карабчук Т.С., Рыжикова З.А., Биляк Т.А.* Выбор профессии: чему учились и где пригодились? // Препринт WP3/2009/03, Серия WP3 2009. М.: ГУ ВШЭ. С. 41–42.
7. *Натхов Т., Полищук Л.* Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 30–51.
8. *Коллинз Р.* Четыре социологических традиции. М.: Территория будущего, 2009. 318 с.
9. *Шарова Е.Н., Мулина Т.В.* Профессиональное самоопределение молодежи в условиях социокультурной трансформации российского общества (региональный аспект) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. С. 50–68.
10. *Попова И.П.* Профессиональный выбор: влияние культурных ресурсов семьи // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 130–140.
11. *Константиновский Д.Л.* Качественное образование: ресурс и его использование // Россия реформирующаяся. Вып. 11. / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 202–212.
12. *Чередниченко Г.А.* Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи). М.: Ин-т социологии РАН, 2012.
13. *Бурлуцкая М.Г.* Высшее образование как лифт социальной мобильности: ожидания выпускников и реалии современного общества // Социология образования. 2012. № 9. С. 87–96.
14. *Сумской Д.А.* Проблемы юридического образования // ЕврАзЮж. 2009. № 6 (13)
15. *Петров А.В., Горбатова М.К.* Основные тенденции развития высшего юридического образования в современной России. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007.
16. *Куликов В.* Право – пригоден. Юристов заставят сдавать экзамены на право работать по профессии право // Российская газета. 2013. 17 июля. N6130.
17. *Барщевский М.* Приемлема ли в России Болонская система? (Интервью с Н. Бондарем) // Российская газета. Юридическая неделя. 2013. 7 марта. N6026.